

Научная статья / Scientific article
МРПТИ / IRSTI 02.71

<https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-152-3-100-118>

INTERRELIGIOUS DIALOGUE AS A TOOL FOR POST-CONFLICT PEACEBUILDING: THE EXPERIENCE OF LEBANON, BOSNIA AND HERZEGOVINA, AND SUDAN

Abay TOXANBAYEV

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

 toxanbayev_ak_1@enu.kz

Abstract. The article reveals the potential of interfaith dialogue as a key tool for overcoming the consequences of armed conflicts and building sustainable peace in multi-ethnic and multi-religious societies. Using the examples of Lebanon, Bosnia and Herzegovina, and Sudan, it analyses the mechanisms of interaction between religious communities and the role of non-governmental organisations, international structures, and individual leaders in strengthening social cohesion, developing intercultural understanding, and preventing renewed outbreaks of violence. The research methodology is based on an interdisciplinary approach that combines historical, political and sociological analysis, as well as the use of comparative methods and the study of empirical cases. This approach makes it possible to identify universal and specific factors that determine the success of interreligious interaction in the post-conflict period, including institutional support, youth involvement, and the implementation of joint humanitarian projects. The author contributes to the development of the theoretical and practical basis for peacebuilding, formulates the conditions for effective dialogue, and emphasises the importance of its practice-oriented nature for reducing social tensions, restoring trust, and forming sustainable models of coexistence. The conclusions demonstrate that sustainable peace in post-conflict countries is impossible without constant institutional support for interreligious communication, systematic monitoring of the results achieved, adaptation of strategies to local cultural characteristics, and the involvement of broad segments of the population in joint social initiatives.

Keywords: interfaith (interreligious) dialogue; post-conflict societies; peacebuilding; Lebanon; Bosnia and Herzegovina; Sudan; confessionalism; NGOs for interfaith (interreligious) dialogue

For citation:

Toxanbayev A. Interreligious dialogue as a tool for post-conflict peacebuilding: the experience of Lebanon, Bosnia and Herzegovina, and Sudan // *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*. – 2025. – Vol. 152. – No. 3. – P. 100-118. <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-152-3-100-118>.

Для цитирования:

Токсанбаев А. Межрелигиозный диалог как инструмент постконфликтного миростроительства: опыт Ливана, Боснии и Герцеговины и Судана // *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*. – 2025. – Vol. 152. – No. 3. – С. 100-118. <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-152-3-100-118>.

ДИНАРАЛЫҚ ДИАЛОГ ҚАҚТЫҒЫСТАН КЕЙІНГІ БЕЙБІТШІЛІКТІ ҚҰРУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ: ЛИВАН, БОСНИЯ ЖӘНЕ ГЕРЦЕГОВИНА ЖӘНЕ СУДАН ТӘЖІРИБЕСІ

Абай ТОКСАНБАЕВ

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТКОНФЛИКТНОГО МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА: ОПЫТ ЛИВАНА, БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ И СУДАНА

Абай ТОКСАНБАЕВ

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Андатпа. Мақала көпұлтты және көпконфессиялы қоғамдарда қарулы қақтығыстардың салдарын еңсерудің және тұрақты бейбітшілік құрудың негізгі құралы ретінде дінаралық диалогтың әлеуетін ашады. Ливан, Босния және Герцеговина және Судан мысалында діни қауымдастықтардың өзара әрекеттесу механизмдері, үкіметтік емес ұйымдардың, халықаралық құрылымдар мен жеке көшбасшылардың әлеуметтік келісімді нығайтудағы, мәдениетаралық түсіністікті дамытудағы және зорлық-зомбылықтың қайталануының алдын алудағы рөлі талданады. Зерттеу әдістемесі тарихи, саясаттану және әлеуметтанулық талдауды біріктіретін пәнаралық тәсілге, сондай-ақ салыстырмалы әдісті қолдануға және эмпирикалық жағдайларды зерттеуге негізделген. Бұл тәсіл институционалдық қолдауды, жастарды тартуды және бірлескен гуманитарлық жобаларды іске асыруды қоса алғанда, жанжалдан кейінгі кезеңде дінаралық өзара іс-қимылдың табыстылығын айқындайтын әмбебап және ерекше факторларды анықтауға мүмкіндік береді. Автор бейбітшілікті құру мәселелері бойынша теориялық және практикалық базаны дамытуға үлес қосады, диалог тиімділігінің шарттарын тұжырымдайды және әлеуметтік шиеленісті төмендету, сенімді қалпына келтіру және бірге өмір сүрудің тұрақты модельдерін қалыптастыру үшін оның тәжірибеге бағытталған сипатының маңыздылығын атап көрсетеді. Алынған тұжырымдар дінаралық қарым-қатынасты тұрақты институционалдық қолдаусыз, қол жеткізілген нәтижелерді жүйелі мониторингтеусіз, стратегияларды жергілікті мәдени ерекшеліктерге бейімдеусіз және халықтың қалың топтарын бірлескен әлеуметтік бастамаларға тартусыз жанжалдан кейінгі елдердегі орнықты бейбітшіліктің мүмкін еместігін көрсетеді.

Түйін сөздер: дінаралық диалог; қақтығыстан кейінгі қоғамдар; бейбітшілік құру; Ливан; Босния және Герцеговина; Судан; конфессионализм; дінаралық диалог бойынша ҰЕҰ

Аннотация. Статья раскрывает потенциал межрелигиозного диалога как ключевого инструмента преодоления последствий вооружённых конфликтов и построения устойчивого мира в многоэтнических и поликонфессиональных обществах. На примере Ливана, Боснии и Герцеговины и Судана анализируются механизмы взаимодействия религиозных общин, роль неправительственных организаций, международных структур и отдельных лидеров в укреплении социальной сплочённости, развитии межкультурного взаимопонимания и предупреждении повторных вспышек насилия. Методология исследования опирается на междисциплинарный подход, объединяющий исторический, политологический и социологический анализ, а также применение сравнительного метода и изучение эмпирических кейсов. Такой подход позволяет выявить универсальные и специфические факторы, определяющие успешность межрелигиозного взаимодействия в постконфликтный период, включая институциональную поддержку, вовлечение молодёжи и реализацию совместных гуманитарных проектов. Автор вносит вклад в развитие теоретической и практической базы по вопросам миростроительства, формулирует условия эффективности диалога и подчеркивает значимость его практико-ориентированного характера для снижения социальной напряжённости, восстановления доверия и формирования устойчивых моделей сосуществования. Полученные выводы демонстрируют, что устойчивый мир в постконфликтных странах невозможен без постоянной институциональной поддержки межрелигиозного общения, системного мониторинга достигнутых результатов, адаптации стратегий к локальным культурным особенностям и вовлечения широких слоёв населения в совместные социальные инициативы.

Ключевые слова: межрелигиозный диалог; постконфликтные общества; миростроительство; Ливан; Босния и Герцеговина; Судан; конфессионализм; НПО по межрелигиозному диалогу

Введение

На сегодняшний день вопрос мирного сосуществования представителей различных религий, культур и цивилизаций представляется одной из наиболее важных проблем, рассматриваемых на высоком международном уровне. Свою деятельность по развитию диалога между людьми различного происхождения осуществляют как правительства отдельных стран, например, внутри Казахстана, так и межправительственные организации, такие, как ООН, Съезд лидеров мировых и традиционных религий, KAICIID и др.

Однако, несмотря на данные инициативы, в мире продолжают происходить столкновения и войны между этносами, конфессиями, партиями и странами. В этих конфликтах немаловажную роль играет религия, которая в условиях политизации способна усилить религиозную идентичность и развить ненависть по отношению к иноверцам.

Использование религии для оправдания насилия активно применялось различными сторонами при распаде Югославии. В данном регионе этническая принадлежность напрямую связана с религией: серб – православный христианин, хорват – католик, босниец – мусульманин. Война привела к тому, что в данном регионе происходили этнические чистки, возросло число беженцев, образовалась гуманитарная катастрофа.

Разделение может произойти не только между разными религиозными группами, но и внутри одной религиозной традиции. Так, например, политический конфликт между Россией и Украиной отразился на православии в данных странах. Рост антироссийских настроений в Украине повлек сначала раскол единой Православной Церкви Украины на проукраинскую и пророссийскую части, а затем выход Православной Церкви Украины из состава Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Активную роль в отделении сыграло украинское правительство во главе с президентом П.Порошенко, попросившее создание автокефалии у Константинопольского Патриарха (Лученко, 2023), нарушив установленные церковные правила, что привело к прекращению общения между Московским и Константинопольским Патриархатами.

На протяжении всей истории человечества религия выступала как один из важных социальных инструментов. Данная тема является актуальной и заслуживает более подробного исследования.

Материалы и методы

В данном исследовании используется междисциплинарный подход, сочетающий в себе сравнительный и исторический методы. Исследование опирается на документы и программы таких межправительственных организаций по развитию и продвижению межрелигиозного (межконфессионального) диалога, как Съезд лидеров мировых и традиционных религий, Фонд «Адьян», Межрелигиозный совет Боснии и Герцеговины, KAICIID.

Помимо этого, был проведен анализ 3 эмпирических кейсов (Ливан, Босния и Герцеговина, Судан), которые демонстрируют историю развития межконфессиональных отношений и применение принципов межрелигиозного диалога в постконфликтный период.

Литературный обзор

Функциональный подход к религии начинается с работ французского социолога религии Э.Дюркгейма, предложившего рассматривать религию как социальный институт. При этом французский ученый большое внимание уделял именно позитивным функциям, среди которых особо выделял интегрирующую функцию религии, то есть религия способна объединять людей в единое сплоченное общество. Однако современные исследователи данного вопроса подчеркивают главное упущение Дюркгейма – игнорирование у религии дезинтегрирующего фактора. Данная функция является наиболее актуальной в связи с ростом межконфессиональных конфликтов в мире (Багаева, Цырендоржиева, 2023). Поэтому ученые зачастую объединяют эти два слова и используют как единую функцию – интегрирующая-дезинтегрирующая (Яблоков, 1994).

В качестве подтверждения приведем слова российского исследователя С.М. Иванова, который в своей работе «Социальные функции религии и современность» писал: «интегративная-деинтегративная функция в одном отношении сплачивает, а в другом – разъединяет индивидов, коллективы и институты» (Иванов, 1999).

Что касается межрелигиозного диалога, то изучением данного вопроса занимаются не только отдельные исследователи (Л.Дж. Свидлер, К.Корнил, С.Б. Кинг, С.В. Мельник, У.М. Нысанбек и др.), но и международные организации (Совет Европы, ЮНЕСКО, KAICIID (г.Лиссабон), Международный центр межконфессионального и межрелигиозного диалога (г.Астана), Всемирный форум по межкультурному диалогу (г.Баку)).

1. Межрелигиозный диалог: определение и условия осуществления

Наряду с термином «межрелигиозный диалог» в научной среде используют также «межконфессиональный диалог» («interfaith dialogue»), «межрелигиозное общение», «духовный диалог» и др.

Что же такое «межрелигиозный диалог»? На данный вопрос нет одного точного ответа. Например, почетный профессор Университета Джеймс Мэдисон (США), специализирующегося на межконфессиональном диалоге, С.Б. Кинг утверждает, что под межрелигиозным диалогом следует понимать «...намеренную встречу и взаимодействие между представителями разных религий...» (King, 2011).

С данным мнением согласна профессор, заведующая кафедрой межрелигиозных исследований Бостонского Университета К.Корнилл, считающая, что межрелигиозный диалог включает в себя «широкий спектр отношений между религиями» (Cornille, 2013.). Иными словами, межрелигиозный диалог бывает самых разных уровней: от повседневных взаимоотношений между верующими до официальных встреч между религиозными лидерами.

Межрелигиозный диалог направлен на уменьшение конфликтности и развитие взаимопонимания между религиозными группами. Так, согласно Институту мира США (the United State Institute of Peace), основной задачей которого является содействие разрешению и предотвращению конфликтов во всем мире, межконфессиональный диалог представляет собой «усилия по содействию взаимопониманию и сотрудничеству

между представителями разных конфессий, особенно в качестве инструмента для продвижения миротворчества и миростроительства» (Driessen, 2025).

Аналогично Генеральная Ассамблея ООН всячески продвигает межрелигиозный и межкультурный диалог, что подтверждает принятие в 2023 году резолюции «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира» (ООН, 2023).

Одной из крупных мировых площадок по продвижению межрелигиозного диалога является Съезд лидеров мировых и традиционных религий, начавший свою деятельность в 2003 году, который проводится каждые три года в г.Астане. Для реализации диалога в жизнь необходимо иметь четко сформированные принципы. Так, в 2006 году на II Съезде участниками были приняты соответствующие документы, где одна глава посвящена принципам межрелигиозного диалога, состоящая из 9 пунктов.

Первый принцип: «Диалог будет основываться на честности, толерантности, смиренности и взаимоуважении» (Документы Второго Съезда лидеров мировых и традиционных религий, 2006). Каждый участник такого процесса должен быть терпимым к взглядам и позициям своего собеседника, быть искренним и считаться с его позицией. На наш взгляд, первый принцип является основой и ключом к последующим восьми принципам, которые более подробно раскрывают его смысл.

Например, без взаимоуважения невозможно построить равные отношения, о котором говорится во втором и четвертом принципах: «Диалог должен предполагать равноправие всех партнеров и создавать пространство для свободного выражения мнений...», «Диалог помогает в избегании предрассудков и неправильного толкования других религий...» (Документы Второго Съезда лидеров мировых и традиционных религий, 2006).

Развитая толерантность позволяет избежать прозелитизма и межрелигиозных конфликтов, о чем написано в третьем, пятом и седьмом принципах: «Диалог не должен быть нацелен на обращение в другую веру либо оскорбление собеседника другого вероисповедания, а также на демонстрацию превосходства одной религии над другими», «Диалог предлагает путь к мирному сосуществованию и плодотворному сотрудничеству народов», «Диалог, проводимый в духе толерантности, подчеркивает, что все люди населяют одну и ту же планету» (Документы Второго Съезда лидеров мировых и традиционных религий, 2006).

В качестве подтверждения разработанным на II Съезде принципам успешного межрелигиозного диалога приведем выводы испанских исследователей (Р. Камп-депадрос-Куллель и др., 2021), которые изучали различные культурные общины. Группа испанских ученых посредством дискуссий и глубинного интервью выявили четыре условия для развития межрелигиозного диалога:

1) Равенство различий, т.е. «уважение религиозных верований или убеждений другого человека», позволяет направить взгляд участников диалога на поиск общих ценностей (помощь нуждающимся, социальная справедливость, важность института семьи, образование и др.).

2) Эгалитарный диалог – это вид диалога, основанный на принципах равенства, взаимного уважения и равноправного участия всех сторон. Участник должен обладать такими качествами, как скромность, открытость к новому и неизвестному, человечность.

3) Культурный интеллект – это способность понимать другого, не имея общих культурных и прочих схожестей. Участник должен обладать широким кругозором, владеть информацией о других религиях, культурах и обществах.

4) Солидарность – центральное условие для межрелигиозного диалога, поскольку подразумевает умение участника ставить себя на место другого (Р. Кампдепадрос-Куллель и др., 2021).

Принципы, разработанные участниками Съезда лидеров мировых и традиционных религий, и условия, выявленные испанскими исследователями в ходе изучения различных культурных групп, имеют общее видение по развитию успешного межрелигиозного диалога. Участникам диалога необходимо соблюдать следующие нормы: взаимное уважение, человечность, толерантность, равенство, открытость, солидарность.

2. Кейс-стади: Ливан, Босния и Герцеговина, Судан

Вышеуказанные принципы межрелигиозного диалога использовались международными организациями и отдельными правительствами. Рассмотрим три кейса, которые раскрывают возможности межрелигиозного диалога по преодолению пост-конфликтного кризиса и установлению мира в этих обществах.

2.1 Ливан

Страна, религиозный состав которой является одной из самых разнообразных в ближневосточном регионе. Согласно данным Института стратегии и политики «Новые линии», на 2022 год в Ливане предположительно проживали 61,9% мусульман (31,9% – сунниты, 31% – шииты), 32,4% христиан (16,12% – марониты, 7,7% – греко-православные, 6,88% – греко-католики (мелькиты), армяне ААЦ, армяно-католики, сиро-яковиты, сиро-католики, ассирийцы, халдейцы, копты, протестанты, римо-католики) и 4,52% друзов (синкретическая религиозная группа арабов, экспертами часто относящаяся к исламу) (Weimann, 2022). Дать точное количество населения Ливана является затруднительным, поскольку перепись населения проводилась лишь однажды – в 1932 году.

Имея столь плюралистический религиозный состав, после обретения независимости в 1943 году была установлена «ливанская модель» политического устройства – конфессионализм, который должен был позволить представителям крупнейших конфессий в стране равный доступ к верховной власти. Так, согласно конфессионализму, в Ливане президентом должен быть христианин-маронит, премьер-министр – мусульманин-суннит, спикер парламента – мусульманин-шиит. В парламенте сохранялось конфессиональное деление – соотношение христиан к мусульманам было 6:5 (Мохов, 2009).

При этом президент (маронит) имел широкие полномочия, что не удовлетворяло возросшую мусульманскую часть населения, элиты которых выражали свое недовольство и требовали перераспределения сил в политической системе. Существующая социально-политическая система полноценно не удовлетворяла все население страны, а также ситуацию усугубило переселение палестинских беженцев (преимущественно мусульман) на территорию Ливана, что переросло в гражданскую войну, длившуюся с 1975 по 1990 годы.

Основным критерием деления был религиозный принцип, хотя были и исключения (православные и коммунисты поддерживали левомусульманские группы). Уровень

ненависти вылился в: насильственное переселение мусульман из заселенных преимущественно христианами южных регионов, массовая резня и захват мусульманами христианских провинций, разделение Бейрута на западную (мусульманскую) и восточную (христианскую) части, возникли религиозные анклав, вырос рост миграции внутри страны и за ее пределы (Мохов, 2009). Согласно международным данным, в ходе гражданской войны в Ливане погибло около 150 000 человек и 900 000 граждан покинули страну (Wood. 2012).

Война привела Ливан к политическому, экономическому, социальному и культурному кризису. Решением улаживания многолетнего конфликта было заключение в 1989 году при участии Лиги арабских государств соглашения между воюющими сторонами в г.Таиф (Саудовская Аравия). Данное соглашение стало основой для прекращения войны, заключения мирного договора и внесения изменений в Конституцию.

В социально-политической системе Ливана были следующие поправки: полномочия президента были сокращены, а парламента и премьер-министра – расширены, установлено равное количество квот для христиан и мусульман в парламенте, алавитская община получила 2 депутатских места в парламенте, шиитская община была официально зарегистрирована в качестве 18-ой конфессии. Главной целью данного соглашения являлась подготовка почвы для устранения конфессионализма в ливанской политической жизни в будущем (Мохов. 2009).

Согласно списку депутатов парламента, избранных на срок с 2022 по 2026 годы, там работают 64 мусульманина (27 суннитов, 27 шиитов, 8 друзов, 2 алавита) и 64 христианина (34 маронита, 14 греко-православных, 5 православных армян, 1 армянин-католик, 8 греко-католиков, 1 протестант и 1 из малочисленной христианской конфессии) (Humud. 2022). Некоторые исследователи относят алавитов и друзов к мусульманам, поскольку корни их исходят из ислама шиитского толка.

Конфессионализм считался «временной» мерой, однако данная модель действует и по сегодняшний день, что является преградой для формирования единой ливанской нации и национальной идентичности. Граждане по-прежнему делятся по религиозному принципу: заводят дружеские связи лишь со «своими», дети и молодые люди получают образование в специальных учебных учреждениях своей конфессии, поддерживают лишь политические партии своей конфессии и т.д. (Евдокимов и др., 2021). Иными словами, представители одной конфессии практически не взаимодействуют с представителями другой конфессии, тем самым религиозные общины становятся автономными и изолированными.

Неосведомленность порождает недоверие, предвзятое отношение (навешивание «ярлыков»), что в итоге может перерасти в ненависть, открытую ксенофобию. В то время как межрелигиозный и тем более межкультурный диалог ведет к расширению кругозора человек пытается «взглянуть на мир глазами «другого», что позитивно влияет на процветание в обществе толерантности, открытости и демократии.

Межрелигиозный диалог в послевоенный период в Ливане был направлен на решение практических (социальных, культурных и пр.) вопросов, избегая богословских моментов. Такой диалог охватывает все слои общества, а не только духовенство и политическую

элиту (Abu-Nimer, 2007). Практический диалог является средством для достижения социальной сплоченности ливанского общества, как и то, что в стране за последние тридцать-тридцать пять лет появились различные неправительственные (НПО) и международные организации по миростроительству и продвижению межрелигиозного диалога, среди которых особую роль играют фонд «Адьян» (Adyan foundation), Ближневосточный Совет Церквей (БВСЦ), «Offre Joie» (Фарах аль Аата), «Диалог во имя жизни и примирения», «Форум по вопросам развития, культуры и диалога», «Национальный комитет по христианско-мусульманскому диалогу», «Арабская рабочая группа по христианско-мусульманскому диалогу» и др.

Данные организации занимаются не только налаживанием межконфессиональных отношений между различными общинами, но и продвижением общечеловеческих демократических принципов (защита прав человека и др.). Сегодня в Ливане наряду с вышеуказанными организациями выделяются и отдельные личности, представляющие всю конфессиональную палитру страны и активно участвующие в развитии диалога, продвижении идей плюрализма и консолидации общества. К их числу относятся Фади Дау и Найла Таббара (из фонда «Адьян»), шейх Сами Абиль Мона (из друзской общины), муфтий Ахмед Талеб (из Шиитского Исламского Совета), шейх Мохаммед Абу Зейд (из Суннитского Шариатского Суда Саиды), доктор Ибрагим Шамседдин (из христианско-мусульманской диалоговой группы движения «Фоколяр»), Сайид Али Фадлаллах (основатель Форума за диалог), д-р Мартин Аккад (из арабской баптистской богословской семинарии), преподобный Риад Джарджур (из Форума развития, культуры и диалога) и доктор Рабаб Эль-Садр (из Фонда Имама аль-Сафра) (Driessen and et., 2020).

Одна из видных женщин межрелигиозного диалога доктор Рабаб Эль-Садр так охарактеризовала предмет своей деятельности: «Диалог подобен молитве, это скорее долг, чем выбор. Он лежит в основе человеческой жизни с момента сотворения Адама и Евы, поэтому нет веских причин отказываться от него» (Driessen and et., 2020).

По словам ливанского философа и теолога А. Хаддада, «мир в Ливане держится на взаимном осознании, что уничтожение «другого» есть путь к самоуничтожению» (Haddad, 2021). Религиозные школы, межконфессиональные молодёжные проекты, участие священнослужителей в общегражданских инициативах показывают потенциал диалога как инструмента социального мира и стабильности.

Опыт Ливана демонстрирует, что в поликонфессиональном обществе устойчивый мир невозможен без постоянной работы по укреплению межрелигиозного диалога. Несмотря на сохранение конфессионализма как основы политической системы, что по-прежнему препятствует формированию единой гражданской идентичности, активная деятельность НПО, международных организаций и отдельных лидеров позволяет смягчать напряжённость, развивать взаимопонимание и поддерживать социальную сплочённость. Ливанский кейс подтверждает, что практический диалог, охватывающий все слои общества и ориентированный на совместное решение социальных задач, способен служить эффективным инструментом миростроительства даже в условиях глубоких исторических и политических разделений.

2.2 Босния и Герцеговина

Как и в Ливане, в Боснии и Герцеговине религиозная принадлежность тесно связана с этнической. Именно по этому принципу у граждан этой страны формировалась идентичность. Иными словами, если гражданин является мусульманином, то его автоматически относят к боснякам («муслимане»); если православный христианин, то к сербам; если католик, то к хорватам.

Согласно последней переписи населения, прошедшей в 2013 году, в Боснии и Герцеговине проживали 51% мусульман-суннитов, 31% православных сербов, 15% хорватов-католиков, а оставшие 3% – протестанты, иудеи и др. (U.S. Department of State, 2022).

По своему происхождению босняки, сербы и хорваты имеют общие корни – говорят на одном сербохорватском языке. Однако сходство не сыграло положительную роль.

Для начала следует упомянуть, что Босния и Герцеговина (БиГ) до обретения независимости являлась республикой в составе Югославии, куда также входили Македония, Сербия, Хорватия, Словения и Черногория.

В 1991 году из состава Югославии выходят Словения и Хорватия. По их примеру в 1992 году в Социалистической Республике Босния и Герцеговина проводят референдум, где свыше 60% населения голосуют за независимость страны и отделение от Югославии (Commission on Security and Cooperation in Europe, 1992). При этом местные боснийские сербы были не согласны и самопровозгласили Республику Сербскую на данной территории. В ответ на эти действия боснийские хорваты провозглашают о создании Хорватской Республики Герцег-Босна. Политические процессы в республике привели к гражданской войне (1992-1995), в ходе которой, по усредненным подсчетам, погибло свыше 100 000 человек и 900 000 граждан мигрировало из страны (Diken, Laustsen, 2005).

В ходе гражданской войны практиковались пытки, изнасилования, насильственная депортация и этнические чистки. Ненависть выросла до того, что во многих регионах страны существовали концентрационные лагеря. Например, «Виктор Бубань» – лагерь армии боснийских мусульман, предназначенный для сербов (через него прошло 5000 человек и 70 человек погибло и убито) (Дурмановић, 2011). «Кератерм» – концлагерь, созданный боснийскими сербами для босняков (мусульман) и хорватов (через него прошло 3000 человек и 371 человек был убит) (Omerovic and Hodzic, 2023). «Дретель» – концлагерь, созданный боснийскими хорватами и предназначенный для босняков и сербов (численность заключенных до 2800 человек) (The International Criminal Tribunal For The Former Yugoslavia, 2004).

Всеми участниками конфликта проводились этнические чистки отдельных районов. Так, военными Герцег-Босны (боснийскими хорватами) были проведены этнические чистки против боснийских мусульман в долине Лашвы, где, по данным Сараевского архивно-исследовательского центра, порядка 2000 мусульман, ранее проживавших в этой долине, были убиты или пропали без вести. Апогеем гражданской войны стала резня в Сребренице, в ходе которой солдатами армии Республики Сербской были убиты тысячи боснийских мусульман. В 2007 году Международный трибунал квалифицировал данные действия армии Республики Сербской в Сребренице как «геноцид» (United Nations, 2012).

Религия в данном случае выполнила дезинтегрирующую функцию, усугубив ситуацию и став одним из инструментов в руках заинтересованных политиков и группировок. Местные религиозные лидеры сами были вовлечены в конфликт, а мировые религиозные лидеры не внесли заметного вклада в урегулирование конфликта. Католический историк Лидского университета профессор А.Гастингс с критикой обрушился на европейское религиозное сообщество, которое «...закрыло глаза на трагедию, развернувшуюся в Боснии» (Patterson, 2013).

После трех лет насилия, лишений и кровопролития, а также введения международных войск НАТО на территорию Боснии и Герцеговины, в 1995 году по инициативе США и Европейского союза вг. Дейтон (США) был заключен мирный договор между президентами Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии, что положило конец гражданской войне.

Дейтонское соглашение включало в себя несколько важных пунктов:

1. Государство Босния и Герцеговина должно состоять из двух частей – Федерации Боснии и Герцеговины (неофициальное название – Мусульмано-хорватская федерация) и Республика Сербская. Нейтральной территорией, регулируемой в дальнейшем международными силами, является округ Брчко.

2. Учет этнического фактора при формировании высшего государственного органа – Президиума, в состав которого должны входить по одному представителю от боснийских мусульман (босняков), хорватов и сербов (Silvestri, 2015).

По примеру заключения Дейтонского соглашения в 1997 году духовные лидеры мусульман, православных христиан, католиков и иудеев Боснии и Герцеговины обратились к международной неправительственной организации «Религии за мир» с предложением создать Межрелигиозный совет Боснии и Герцеговины. Как написано на официальном сайте Совета, «первоначальной идеей создания Совета...было примирение народов Боснии и Герцеговины, где...бушевала война» (Gradimir, 2020). Своей основной миссией Межрелигиозный совет БиГ ставит «содействовать миру, уважению и сосуществованию посредством межрелигиозного диалога и сотрудничества, уважая разнообразие и подчеркивая общие ценности религиозных и духовных традиций в Боснии и Герцеговине» (Gradimir, 2020).

Совет организует совместные молитвенные мероприятия, круглые столы, просветительские семинары, а также участвует в восстановлении разрушенных мечетей и храмов. По мнению боснийского исследователя С. Йовича, «успех Совета объясняется тем, что он сочетает религиозные ценности с правозащитной риторикой и вовлекает местные сообщества» (Jović, 2020). Однако деятельность Совета осложняется недостаточным финансированием и политической нестабильностью в стране.

Приведем также в пример две организации, которые наряду с Межрелигиозным советом трудятся во имя выстраивания и развития взаимоотношений между этноконфессиональными группами в Боснии и Герцеговине:

1) «Центр по миростроительству» – НПО, основанная в 2004 году для решения проблемы этнического и религиозного разделения в БиГ. Проводя межкультурные встречи, форумы и мероприятия центр на своем официальном сайте пишет, что свою роль видит в «предоставлении безопасного пространства для конструктивного межэтнического

и религиозного диалога», а также их деятельность направлена на «продвижение прав человека и межкультурного сотрудничества» (Centre for Peacebuilding).

Центр регулярно проводит встречи межрелигиозного диалога между лидерами мусульманских, католических, православных и протестантских общин, наиболее яркой из которых была «Международная неделя мира», организованная в 2011 году (Centre for Peacebuilding).

Помимо этого, данный центр обучает людей, зачастую молодежь, практическим методам разрешения конфликтов, поскольку видит в боснийском обществе наличие негативных стереотипов по отношению к «другим», сегрегация по этническому принципу и т.д.

2) «Peace Catalyst International» – христианская (протестантская) международная неправительственная организация, считающая своей миссией «помощь христианам быть лучшими миротворцами и сотрудничать с нашими соседями...» (<https://www.peacecatalyst.org/about>).

Данная организация имеет свое представительство в Боснии и Герцеговине, где активно участвует в продвижении идей сотрудничества. Так, согласно их официальному сайту, их представители в БиГ «руководят программами и проводят тренинги для местных боснийских участников, включая межгрупповые семинары по построению мира», «сотрудничают с боснийскими миротворцами из разных этноконфессиональных групп, чтобы поддерживать существующие программы по поддержанию мира и разрабатывать новые, направленные на преодоление этнических и религиозных разногласий», «организуют интенсивные учебные программы и лагеря мира для международных и местных групп, чтобы они могли учиться у местных миротворцев», «выступают с лекциями и проводят семинары по теологии мира, обучают практическим навыкам миротворчества и предоставляют местным христианам возможности участвовать в миротворческой деятельности» и т.д. (<https://www.peacecatalyst.org/bosnia-peacebuilding-trainings>).

Опыт Боснии и Герцеговины показывает, что устойчивый мир требует не только политических соглашений, но и долгосрочной работы на уровне гражданского общества и религиозных институтов, направленной на преодоление взаимной враждебности, формирование общих ценностей и практическое сотрудничество между различными этнорелигиозными группами.

2.3 Судан

Судан представляет собой сложный, многоуровневый кейс, в котором религиозная, этническая и политико-экономическая динамики тесно переплетены. Колониальная политика «разделяй и властвуй» Британии и Египта оставила наследие институционального расслоения Север–Юг, что в значительной мере заложило структурную предрасположенность к конфликтам (Johnson, 2016). Вторая гражданская война (1983–2005) и последующие конфликты в Дарфуре, Голубом Ниле и Южном Кордофоне показали, что религия в Судане обычно функционировала не как автономный фактор, а как «маркер» идентичности и мобилизации, усиливая давно существующие социально-экономические противоречия (de Waal, 2015).

Тем не менее именно в Судане можно найти примеры программ и практик, которые показали реальную эффективность в локальных условиях. Ниже – основные направления работы и конкретные проекты.

В течение Первой (1955-1972) и Второй (1983-2005) гражданских войн религиозный фактор стал частью идеологической мобилизации: введение шариата в 1983 г. президентом Джаафаром Нимейри вызвало сопротивление на Юге (Johnson, 2016). После подписания Всеобъемлющего мирного соглашения (ВМС) в 2005 г. и отделения Южного Судана в 2011 году посредством референдума религиозная картина в стране изменилась – численность христиан в стране заметно снизилась в оставшейся части Судана. Так, согласно данным «Pew Research Center», на 2020 год в Судане проживало 46,25 млн мусульман, что составляло 98,8% от общего населения страны, а в Южном Судане проживало 670 000 мусульман (6,26% от общего населения), а христиан составляло 6,47 млн человек (60,4% от общего населения) (Rubenstein, 2025).

В этот период международные акторы (UNDP, AU, UNAMID) и местные религиозные структуры (Совет Церквей Судана; исламские советы) начали сотрудничество по ряду направлений: восстановление инфраструктуры, совместные образовательные инициативы, тренинги по ненасильственному разрешению споров (Human Rights Watch, 2020; International Crisis Group, 2021).

Переходное правительство 2019-2021 гг. предприняло серьёзные шаги к либерализации религиозной сферы: отмена уголовного наказания за смену религиозной принадлежности, разрешение смешанных конфессиональных браков, восстановление прав христианских школ (Human Rights Watch, 2020). Эти реформы совпали с ростом активности межрелигиозных инициатив. Однако с обострением вооружённого конфликта в 2023 году и по сегодняшний день пространство для диалога вновь сузилось, что показало – без устойчивых институциональных механизмов результаты таких инициатив легко утрачиваются.

Однако в Судане существовали и успешные практики межрелигиозного взаимодействия. Приведем несколько примеров:

1) «Совет Церквей Судана» (СЦС) сначала 2000-х годов проводил межконфессиональные семинары с участием имамов, пасторов и старейшин племён в Дарфуре и Южном Кордофоне. Эти форумы сочетали богословский диалог и практическую кооперацию – восстановление школ и совместное разрешение пастбищных споров. В ряде деревень локальные соглашения, подготовленные под эгидой СЦС, привели к длительному сокращению межобщинных столкновений (Sudan Council of Churches).

2) «Суданская Организация по ненасилию и развитию» (SONAD – Sudanese Organization for Nonviolence and Development). Программы SONAD были нацелены на работу с молодежью: обучение методам ненасильственной коммуникации, фасилитация молодежных медиационных комитетов в столичных агломерациях. По оценкам партнерских докладов KAICIID, при активном участии SONAD локальные комитеты предотвратили несколько эскалаций межличностных и межгрупповых конфликтов (KAICIID report, 2019).

3) KAICIID (Международный центр диалога) фокусируется на работе с религиозными лидерами, помогая формулировать публичные богословские аргументы против языка

ненависти и организуя совместные декларации. В KAICIID существует отдельная программа – «Вера во имя мира» («Faith for Peace»), которая в 2019–2020 гг. включала тренинги в Хартуме и Порт-Судане; итоговой инициативой стала Хартумская декларация по недопустимости риторики, призывающей к насилию (KAICIID, 2020).

4) «Религия за мир» проводила миротворческие миссии, включая совместное восстановление разрушенных религиозных объектов. В Южном Кордофоне «Религия за мир» координировала проекты по восстановлению мечетей и церквей, что имело символическое значение: совместная реконструкция давала ощущение «общего блага» и служила началом диалога для соседствующих общин (Religions for Peace, 2025).

Несмотря на успехи отдельных программ, Судан остаётся уязвимым: успех проектов часто носит локальный характер и обесценивается при политических рокировках (смене режимов, возобновлении широкомасштабного насилия). Это подчёркивает необходимость институциональной (не только проектной) привязки диалога и наличия «механизмов устойчивости» – юридических гарантий, многоуровневых советов и бюджетной привязки к муниципальным структурам (de Waal, 2015).

Судан показал, что межрелигиозный диалог становится успешным тогда, когда он синхронизирован с практическими потребностями общин (образование, здравоохранение, экономика), подкреплён институциональными гарантиями и имеет планы «продолжения работы» в условиях политической нестабильности (Lederach, 1997).

Заключение

Опыт Ливана, Боснии и Герцеговины и Судана демонстрирует, что межрелигиозный диалог в постконфликтных обществах является не просто гуманитарной инициативой, но ключевым элементом архитектуры мира. Несмотря на различия в политических системах, масштабах конфликта и культурных контекстах, все три страны показывают, что без активного участия религиозных сообществ и их лидеров невозможно достичь устойчивого примирения.

В Ливане, несмотря на сохранение конфессионализма, удалось создать сеть организаций, способных сглаживать острые социальные противоречия и поддерживать диалог даже в периоды кризиса. В Боснии и Герцеговине пример Межрелигиозного совета показывает, что институционализированный подход позволяет вести долгосрочную работу, но её эффективность всё ещё зависит от политической воли и внешнего финансирования. Судан демонстрирует ценность локальных инициатив, которые приносят ощутимые результаты на местах, но при отсутствии системной поддержки оказываются уязвимыми к политическим изменениям.

Ключевой урок, объединяющий эти кейсы, заключается в том, что межрелигиозный диалог не может быть изолированным от социально-экономических процессов. Там, где диалог увязан с решением повседневных проблем (доступ к образованию, здравоохранению, экономическим ресурсам), он получает поддержку населения и становится инструментом реального миростроительства.

Однако сохраняются серьёзные вызовы: политизация религии, ограниченные ресурсы, травматическая память о конфликте, региональные неравенства. Их преодоление требует комплексного подхода, где межрелигиозный диалог становится частью национальной стратегии примирения и развития.

Для долгосрочного успеха необходимы: институциональная закреплённость (юридический статус, бюджетная поддержка), интеграция диалога в систему образования, использование восстановительных практик, а также активное вовлечение женщин и молодёжи. Международное сотрудничество должно быть направлено не только на финансирование отдельных проектов, но и на укрепление национальных и местных структур, способных самостоятельно поддерживать мир.

Таким образом, межрелигиозный диалог в постконфликтных обществах следует рассматривать как структурный элемент политики миростроительства. Он способен играть роль катализатора социальной интеграции, снижать уровень ксенофобии и укреплять горизонтальные связи между общинами. Однако его эффективность возможна лишь при условии комплексного подхода, предполагающего синхронизацию религиозных инициатив с политическими и экономическими реформами. Рассмотренные примеры показывают, что успешность диалога определяется не столько его интенсивностью, сколько степенью его институциональной закреплённости и интеграции в жизнь общества.

Конфликт интересов

Автор подтверждает отсутствие конфликта интересов

Литература

Abu-Nimer M., Khoury A., Welty E. (2007). *Unity in Diversity Interfaith Dialogue in the Middle East*; Publisher, US Institute of Peace Press.

Campdepadrós-Cullell, R., Pulido-Rodríguez, M. Á., Marauri, J., & Racionero-Plaza, S. (2021). Interreligious Dialogue Groups Enabling Human Agency. *Religions*, 12(3), 189.

Centre for Peacebuilding. URL: <https://unvocim.net/> (accessed: 11.08.2025).

Commission on Security and Cooperation in Europe (1992). *The Referendum on Independence in Bosnia-Herzegovina*. URL: <https://li.proquest.com/elhpdf/histcontext/CMP-1992-CSC-0012.pdf> (accessed: 07.08.2025).

Cornille C. (2013) Introduction // C. Cornille (ed.) *The Wiley-Blackwell Companion to Inter-Religious Dialogue*, p. XII. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd.

De Waal, A. (2015). *The Real Politics of the Horn of Africa: Money, War and the Business of Power*. Polity Press.

Diken, B., & Laustsen, C.B. (2005). *The Culture of Exception: Sociology Facing the Camp* (1st ed.). Routledge.

Driessen, M. D. (2025). Interreligious Dialogue, Conflict Resolution and Peacebuilding: A Review. *Religions*, 16(2), 150.

Driessen, Michael Daniel, Anna Maria Daou, Dima Karadsheh, Neira Omerovic, and Faris Ilyas Ket. (2020). *Interreligious Dialogue Mapping of the Middle East: Lebanon, Jordan, Turkey and Iraq*. Beirut:

Adyan Foundation Institute of Citizenship and Diversity Management and Rashad Center for Cultural Governan.

Gradimir. (2020, December 16). O nama - Međureligijsko vijeće u Bosni i Hercegovini. Međureligijsko Vijeće U Bosni I Hercegovini. URL: <https://mriv.ba/o-nama-2/> (accessed: 10.08.2025).

Haddad A. (2021). Religious Pluralism in Lebanon. Journal of Intercultural Studies.

Humud C. (2022). Lebanon's 2022 Parliamentary Elections. Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IN11924> (accessed: 01.08.2025).

Johnson D. H. (2016). The Root Causes of Sudan's Civil Wars: Old Wars and New Wars (Expanded 3rd Edition) (NED-New edition). Boydell & Brewer.

Jovic S. Interfaith Peacebuilding in the Balkans. Peace Review, 2020.

KAICIID Programme 2020 – The Religious Diversity Centre in Aotearoa New Zealand Trust. (2019, December 27). <https://rdc.org.nz/kaiciid-programme-2020/> (accessed: 02.08.2025).

KAICIID. (n.d.). KAICIID. 2019-2020 Annual Report <https://www.kaiciid.org/resources/publications/2019-2020-annual-report> (accessed: 02.08.2025).

King S. B. (2011) Interreligious Dialogue, in C. Meister (ed.), The Oxford Handbook of Religious Diversity, Oxford: Oxford University Press, 101–14.

Lederach, J.P. (1997). Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies, United States Institute of Peace Press, Washington, DC

Мохов Н. Непреодолимый конфессионализм Ливана // Россия и мусульманский мир. 2009. №3.

Omerovic A. H. and Hodzic E. (2023). News Bosnians Commemorate War Prisoners Murdered at Keraterm Camp. URL: <https://balkaninsight.com/2023/07/24/bosnians-commemorate-war-prisoners-murdered-at-keraterm-camp/> (accessed: 08.08.2025).

Patterson, E. (2013) Bosnia: Ethno-Religious Nationalisms in Conflict. Religion and Conflict Case Studies Series, Berkley Center for Religion, Peace and World Affairs, Georgetown University. URL: <http://repository.berkeleycenter.georgetown.edu/130801BCBosniaEthnoReligiousNationalismsConflict.pdf> (accessed: 08.08.2025).

Peace Catalyst International. URL: <https://www.peacecatalyst.org/about> (accessed: 11.08.2025).

Religions for Peace. (2025). Home - Religions for Peace. URL: <https://www.rfp.org/> (accessed: 04.08.2025).

Rubenstein S. (2025). Religious Composition by Country, 2010-2020. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (accessed: 12.08.2025).

Silvestri, S. & Mayall, J. (2015). The Role of Religion in Conflict and Peacebuilding. UK: British Academy.

Sudan Council of Churches | World Council of Churches. (n.d.). URL: <https://www.oikoumene.org/organization/sudan-council-of-churches> (accessed: 02.08.2025).

Sudan. (2020). Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/sudan> (accessed: 12.08.2025).

The International Criminal Tribunal For The Former Yugoslavia. (2004). URL: <https://www.icty.org/x/cases/prlic/ind/en/prl-ii040304e.htm> (accessed: 08.08.2025).

U.S. Department of State. (2022). 2022 Report on International Religious Freedom: Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/bosnia-and-herzegovina> (accessed: 05.08.2025).

United Nations (2012). International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. URL: <https://www.icty.org/en/about> (accessed: 08.08.2025).

Weimann H. (2022). Lebanon's Vicious Cycles. New Lines Institute. URL: <https://newlinesinstitute.org/state-resilience-fragility/lebanons-vicious-cycles/> (accessed: 28.07.2025).

What We Do in Bosnia & Herzegovina (BiH). URL: <https://www.peacecatalyst.org/bosnia-peacebuilding-trainings> (accessed: 11.08.2025).

Wood J. (2012). After 2 Decades, Scars of Lebanon's Civil War Block Path to Dialogue. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2012/07/12/world/middleeast/after-2-decades-scars-of-lebanons-civil-war-block-path-to-dialogue.html> (accessed: 01.08.2025).

Багаева К. А., Цырендоржиева Д. Ш. (2023). Социальные функции религии и специфика их реализации в условиях современности. Вестник Бурятского государственного университета. Философия, (1), 18-30.

Документы Второго Съезда лидеров мировых и традиционных религий (2006). URL: <https://religions-congress.org/ru/page/deklaraciya-uchastnikov-II> (дата посещения: 25.07.2025).

Дурмановић С. (2011). Логор "Виктор Бубањ" - истрага некажњених злочина. URL: <http://www.nspm.rs/istina-i-pomirenje-na-ex-yu-prostorima/logor-viktor-bubanj-istraga-nekaznjenih-zlocina.html> (accessed: 08.08.2025).

Евдокимов И.Д., Кудрин Г.М., Куликова А.П. Политический конфессионализм в Ливане: проблемы консociональной демократии // Скиф. 2021. №11 (63).

Иванов С. М. Социальные функции религии и современность: дисс. ... канд. филос. наук. Волгоград. 1999. 150 с.

Лученко К. «Между запретом и автокефалией. Что ждет Украинскую православную церковь», 2023. URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2023/01/can-the-ukrainian-orthodox-church-survive-the-war-with-russia?lang=ru> (accessed: 21.07.2025).

Организация Объединенных Наций (2023). Генеральная Ассамблея. Семьдесят восьмая сессия. 78/129. Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира.

Яблоков И.Н. Основы религиоведения: учеб./ Ю. Ф. Борунков, И. Н. Яблоков, [М. П. Новиков] и др. Под ред. И. Н. Яблокова.— М.: Высш. шк., 1994.— 368 с.

References

Abu-Nimer M., Khoury A., Welty E. (2007). Unity in Diversity Interfaith Dialogue in the Middle East; Publisher, US Institute of Peace Press. [in English]

Campdepadrós-Cullell, R., Pulido-Rodríguez, M. Á., Marauri, J., & Racionero-Plaza, S. (2021). Interreligious Dialogue Groups Enabling Human Agency. Religions, 12(3), 189. [in English]

Centre for Peacebuilding. URL: <https://unvocim.net/> (accessed: 11.08.2025).

Commission on Security and Cooperation in Europe (1992). The Referendum on Independence in Bosnia-Hercegovina. URL: <https://li.proquest.com/elhpdf/histcontext/CMP-1992-CSC-0012.pdf> (accessed: 07.08.2025).

Cornille C. (2013) Introduction // C. Cornille (ed.) The Wiley-Blackwell Companion to Inter-Religious Dialogue, p. XII. Chichester: John Wiley & Sons, Ltd. [in English]

- De Waal, A. (2015). *The Real Politics of the Horn of Africa: Money, War and the Business of Power*. Polity Press. [in English]
- Diken, B., & Laustsen, C.B. (2005). *The Culture of Exception: Sociology Facing the Camp* (1st ed.). Routledge. [in English]
- Driessen, M. D. (2025). Interreligious Dialogue, Conflict Resolution and Peacebuilding: A Review. *Religions*, 16(2), 150. [in English]
- Driessen, Michael Daniel, Anna Maria Daou, Dima Karadsheh, Neira Omerovic, and Faris Ilyas Ket. (2020). *Interreligious Dialogue Mapping of the Middle East: Lebanon, Jordan, Turkey and Iraq*. Beirut: Adyan Foundation Institute of Citizenship and Diversity Management and Rashad Center for Cultural Governan. [in English]
- Gradimir. (2020, December 16). O nama - Međureligijsko vijeće u Bosni i Hercegovini. Međureligijsko Vijeće U Bosni I Hercegovini. URL: <https://mrv.ba/o-nama-2/> (accessed: 10.08.2025).
- Haddad A. (2021). Religious Pluralism in Lebanon. *Journal of Intercultural Studies*. [in English]
- Humud C. (2022). Lebanon's 2022 Parliamentary Elections. Library of Congress. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IN11924> (accessed: 01.08.2025).
- Johnson D. H. (2016). *The Root Causes of Sudan's Civil Wars: Old Wars and New Wars* (Expanded 3rd Edition) (NED-New edition). Boydell & Brewer. [in English]
- Jovic S. Interfaith Peacebuilding in the Balkans. *Peace Review*, 2020. [in English]
- KAICIID Programme 2020 – The Religious Diversity Centre in Aotearoa New Zealand Trust. (2019, December 27). <https://rdc.org.nz/kaiciid-programme-2020/> (accessed: 02.08.2025).
- KAICIID. (n.d.). KAICIID. 2019-2020 Annual Report <https://www.kaiciid.org/resources/publications/2019-2020-annual-report> (accessed: 02.08.2025).
- King S. B. (2011) Interreligious Dialogue, in C. Meister (ed.), *The Oxford Handbook of Religious Diversity*, Oxford: Oxford University Press, 101–14. [in English]
- Lederach, J.P. (1997). *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*, United States Institute of Peace Press, Washington, DC. [in English]
- Moxov H. Nepreodolimyj konfessionalizm Livana // Rossiya i musul'manskij mir. 2009. №3. [in Russian]
- Omerovic A. H. and Hodzic E. (2023). News Bosnians Commemorate War Prisoners Murdered at Keraterm Camp. URL: <https://balkaninsight.com/2023/07/24/bosnians-commemorate-war-prisoners-murdered-at-keraterm-camp/> (accessed: 08.08.2025).
- Patterson, E. (2013) *Bosnia: Ethno-Religious Nationalisms in Conflict*. Religion and Conflict Case Studies Series, Berkley Center for Religion, Peace and World Affairs, Georgetown University. URL: <http://repository.berkeleycenter.georgetown.edu/130801BCBosniaEthnoReligiousNationalismsConflict.pdf> (accessed: 08.08.2025).
- Peace Catalyst International. URL: <https://www.peacecatalyst.org/about> (accessed: 11.08.2025).
- Religions for Peace. (2025). Home - Religions for Peace. URL: <https://www.rfp.org/> (accessed: 04.08.2025).
- Rubenstein S. (2025). Religious Composition by Country, 2010-2020. Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/feature/religious-composition-by-country-2010-2020/> (accessed: 12.08.2025).
- Silvestri, S. & Mayall, J. (2015). *The Role of Religion in Conflict and Peacebuilding*. UK: British Academy. [in English]

Sudan Council of Churches | World Council of Churches. (n.d.). URL: <https://www.oikoumene.org/organization/sudan-council-of-churches> (accessed: 02.08.2025).

Sudan. (2020). Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/sudan> (accessed: 12.08.2025).

The International Criminal Tribunal For The Former Yugoslavia. (2004). URL: <https://www.icty.org/x/cases/prlic/ind/en/prl-ii040304e.htm> (accessed: 08.08.2025).

U.S. Department of State. (2022). 2022 Report on International Religious Freedom: Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.state.gov/reports/2022-report-on-international-religious-freedom/bosnia-and-herzegovina> (accessed: 05.08.2025).

United Nations (2012). International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia. URL: <https://www.icty.org/en/about> (accessed: 08.08.2025).

Weimann H. (2022). Lebanon's Vicious Cycles. New Lines Institute. URL: <https://newlinesinstitute.org/state-resilience-fragility/lebanons-vicious-cycles/> (accessed: 28.07.2025).

What We Do in Bosnia & Herzegovina (BiH). URL: <https://www.peacecatalyst.org/bosnia-peacebuilding-trainings> (accessed: 11.08.2025).

Wood J. (2012). After 2 Decades, Scars of Lebanon's Civil War Block Path to Dialogue. The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2012/07/12/world/middleeast/after-2-decades-scars-of-lebanons-civil-war-block-path-to-dialogue.html> (accessed: 01.08.2025).

Bagaeva K. A., Cyrendorzhieva D. Sh. (2023). Social'nye funkcii religii i specifika ih realizacii v usloviyah sovremennosti. Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija, (1), 18-30. [in Russian]

Dokumenty Vtorogo S#ezda liderov mirovyh i tradicionnyh religij (2006). URL: <https://religions-congress.org/ru/page/deklaraciya-uchastnikov-II> (data poseshheniya: 25.07.2025).

Durmanoviћ C. (2011). Logor "Viktor Bubanj" - istraga nekazhњenih zlochina. URL: <http://www.nspm.rs/istina-i-pomirenje-na-ex-yu-prostorima/logor-viktor-bubanj-istraga-nekaznjenih-zlocina.html> (accessed: 08.08.2025).

Evdokimov I.D., Kudrin G.M., Kulikova A.P. Politicheskij konfessionalizm v livane: problemy konsocial'noj demokratii // Skif. 2021. №11 (63). [in Russian]

Ivanov S. M. Social'nye funkcii religii i sovremennost': diss. ... kand. filos. nauk. Volgograd. 1999. 150 s. [in Russian]

Luchenko K. «Mezhdzu zapretom i avtokefaliej. Chto zhdet Ukrainskuju pravoslavnuju cerkov'», 2023. URL: <https://carnegieendowment.org/russia-eurasia/politika/2023/01/can-the-ukrainian-orthodox-church-survive-the-war-with-russia?lang=ru> (accessed: 21.07.2025).

Organizacija Obedinennyh Nacij (2023). General'naja Assambleja. Sem'desjat vos'maja sessija. 78/129. Pooshhrenie mezhreligioznogo i mezhkul'turnogo dialoga, vzaimoponimaniya i sotrudnichestva na blago mira. [in Russian]

Jablokov I.N. Osnovy religiovedeniya Ucheb./ Ju. F. Borunkov, I. N. Jablokov, [M. P. Novikov], i dr.; Pod red. I. N. Jablokova.— M.: Vyssh. shk., 1994.— 368 s. [in Russian]

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors:

Токсанбаев Абай Кайратович – PhD, аға оқытушы, Л.Н. Гумилев атындағы Евразия ұлттық университеті, Сәтпаев к-сі, 2, 010008, Астана, Қазақстан, tohanbayev_ak_1@enu.kz, <https://orcid.org/0000-0001-8156-3849>

Toxanbayev Abay Kairatovich – PhD, Senior Lecturer, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev Str., 010008, Astana, Kazakhstan, toxanbayev_ak_1@enu.kz, <https://orcid.org/0000-0001-8156-3849>

Токсанбаев Абай Кайратович – PhD, старший преподаватель, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, 010008, Астана, Казахстан, toxanbayev_ak_1@enu.kz, <https://orcid.org/0000-0001-8156-3849>

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 14.08.2025

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 25.08.2025

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 29.08.2025